

*Л. В. Богатырёва, О. В. Богданова**

**«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» КАК АВТОПРЕТЕКСТ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО****

В статье рассматривается самая ранняя повесть Ф. М. Достоевского «Бедные люди» (1846) и устанавливается ее связь с последующими произведениями писателя, в частности с романом «Преступление и наказание» (1866). Как показано в работе, образ «маленького человека», привлекая Достоевского в 1840-х гг., продолжал занимать внимание прозаика и несколько десятилетий спустя, в т. ч. при создании романа «Пьяненькие», предложенного в петербургские издательства, но не получившего отклика у издателей и вошедшего в состав появившегося позднее романа о Раскольнике. В статье намечены линии текстуальных взаимодействий «Бедных людей» и «Преступления и наказания» и показано, что образ т. н. маленького героя Макара Девушкина вбирал в себя черты и как традиционного «маленького человека», так и «героя-бунтаря», из которого впоследствии развился образ «разумного эгоиста» Родиона Раскольникова. В статье намечены текстологические — проблемно-тематические, образно-мотивные, рече-стилевые, поэтические, характерологические — автоцитаты, которые позволяют говорить о повести «Бедные люди» как об автопретексте романа «Преступление и наказание», о взаимосвязях образов Девушкин — Мармеладов, Девушкин — Раскольников, Покровский — Раскольников, Варвара — Дуня, Быков — Лужин, хозяйка квартиры — Алена Ивановна и др.

Ключевые слова: русская литература середины XIX в., Ф. М. Достоевский, повесть «Бедные люди», роман «Преступление и наказание», интертекст, автоинтертекст.

L. V. Bogatyreva, O. V. Bogdanova

“POOR PEOPLE” AS AUTOPRETEXT OF “CRIME AND PUNISHMENT” by F. DOSTOEVSKY

The article considers the earliest story of F. Dostoevsky “Poor people” (1846) and establishes its connection with the subsequent works of the writer, in particular with the

* Богданова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; olgabogdanova03@mail.ru; Богатырёва Людмила Викторовна, кандидат философских наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия; bourslaka@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Достоевский: pro et contra. Систематизация источников и анализ ключевых подходов к осмыслению Достоевского в отечественной культуре» № 18–011–90002.

novel “Crime and punishment” (1866). As shown in the work, the image of “little man”, which attracted Dostoevsky in the 1840s, continued to occupy the attention of the writer several decades later, including the creation of the novel “Drunken”, proposed in St. Petersburg publishing houses, but did not receive a response from publishers and included in the later appeared novel about Raskolnikov. The article outlines the lines of textual interactions between “Poor people” and “Crime and punishment” and shows that the image of the so-called “little hero” Makar Devushkin absorbed the features of both the traditional types — “little man” and “rebel hero”, from which the image of the “reasonable egoist” Rodion Raskolnikov subsequently developed. The article presents textual — topical, figurative motif, a speech style, a poetic, character — autopassages that allow you to talk about the story “Poor people” as autopretext of the novel “Crime and punishment”, to establish the relationship of images Devushkin — Marmeladov, Devushkin — Raskolnikov, Pokrovsky — Raskolnikov, Varvara — Dunya, Bukov — Luzhin, the landlady — Alyona Ivanovna etc.

Keywords: Russian literature of the XIX century, Fyodor Dostoevsky, the novel “Poor people”, the novel “Crime and punishment”, intertext, autopretext

Повесть Ф. М. Достоевского «Бедные люди»¹, впервые появившаяся в печати в «Петербургском сборнике, изданном Н. Некрасовым» (1846), сразу получила обширную критику. Спектр вопросов, которые затрагивали рецензенты и критики, был весьма широк — от проблемно-тематического своеобразия произведений «натуральной школы», широты / узости демократических тенденций прозы «нового направления», жанрово-стилевых ракурсов избранного Достоевским повествования и, конечно, до уже типизировавшегося к середине XIX столетия образа литературного «маленького человека», своеобразно переплощенного начинающим писателем в образе «бедных людей».

В тексте своего первого литературного произведения Достоевский не только не редуцировал ориентации на традицию великих предшественников — А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, но и намеренно актуализировал ее, вводя в нарративное пространство повести пушкинского «Станционного смотрителя» и гоголевскую «Шинель», книги, которые не только прочел, но и отрефлектировал центральный герой повествования, маленький бедный человек Макар Девушкин. Именно «Станционный смотритель» и «Шинель» составляют ту литературную матрицу, по «оттиску» которой (которых) начинающий писатель выстраивал собственную художественную модель повествования. В самом общем смысле (и весьма условно) история «блудной дочери» Самсона Вырина Дуняши проецируется на образ Варвары Доброселовой, а абрис жизненной линии Акакия Акакиевича Башмачкина опосредует «матричную модель» сюжетной истории о Макаре Девушкине.

Литературная подражательность дебютного произведения Достоевского вполне отчетливо осознается (и даже эксплицируется) самим автором, потому мотивные линии, связанные с литературой, книгой, творчеством, обильно пронизывают художественную ткань произведения, (подчас искусственно) вынуждая малообразованного и «неученого» героя («ведь как я учился? даже и не на медные деньги...» [1, с. 45]) задумываться о месте и роли литературы в его далекой от литературного вымысла жизни.

Достоевский намеренно закладывает интертекстуальные аллюзии, узнаваемые межтекстовые реминисценции, чтобы сконцентрировать внимание на маленьком бедном человеке и дать его историю «в полном ее развитии».

Потому знаменитые восторженные слова Н. А. Некрасова к В. Г. Белинскому: «Новый Гоголь явился!» [6, с. 430] — по-своему справедливы, но односторонни: Достоевский ориентировался на два претекста, в письмах Девушкина следуя за Гоголем, но в письмах Варвары — за Пушкиным (оттого так стилистически явно отличаются «звуки голоса» героя и героини). Но как бы то ни было, прежние и современные критики правы в том, что особенно выразительно в тексте «Бедных людей» проступает именно гоголевский нарратив, обнаруживая «корневую» связь между образами Макара Девушкина и Акакия Акакиевича Башмачкина.

В попытке (традиционно) схематизировать аксиологический абрис «маленького человека» можно предложить универсальную триаду «социальное — личностное — авторское», в рамках которой «маленькие герои» весьма сходно проявляют себя на уровне социальном и личностном, но обнаруживают принципиальные различия в плане авторского отношения к означенному художественному типу.

В социальном плане литературные «маленькие люди», как правило, представлены авторами в качестве мелких чиновников, приехавших из провинции в столичный Петербург и поступивших на службу в «некий <один>департамент», пребывающих на самых низких ступенях социальной иерархии. Именно таковым был герой «Шинели» Гоголя («вечный титулярный советник» [2, с. 121]), таким представлен Достоевским и Макар Девушкин: тоже титулярный советник [1, с. 111], который (вслед за гоголевским Башмачкиным) «в должности» занимается переписыванием бумаг. У Гоголя: «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности...» [2, с. 124] — и подобная характеристика вполне подходит Макару Девушкину. Даже знаменитое каллиграфическое письмо Башмачкина унаследовано Макаром: «...и если уж правду сказать, то не хуже меня пишет», «чистый английский почерк» [1, с. 111].

Опираясь на претекст, Достоевский избавляет себя от необходимости подробно рассказывать о герое, т. к. гоголевской (интер)текст, хорошо знакомый современникам, позволяет читателю самому дорисовать картину, дополнить биографию персонажа, восстановить недостающие детали. Так, если о старушке-матери Башмачкина упоминается непосредственно в тексте, то Достоевский опускает этот образно-мотивный ракурс, словно бы поддерживая Гоголя в том убеждении, что герой «видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове» [2, с. 123]. Заметим, что именно таким — «стариком» «с лысиной на голове» — раз и навсегда предстает перед читателем и герой Достоевского: «на старости лет с клочком волос» [1, с. 38].

Будучи приезжими, в Петербурге «маленькие» чиновники вынуждены снимать комнату или угол в доходном доме (как правило, в районе Сенной площади и Коломны), вести одинокое нищенское существование — получая жалования по 400 рублей в год и вынужденно тратя только на съём «угла» по 25–30 рублей, как Макар Девушкин (а прежде Акакий Акакиевич, квартировавший в доме возле Калинкина моста)².

Бедное жилье бедного Макара Достоевский представляет таким образом: «Ну, уж квартира! Прежде ведь я жил таким глухарем, сами знаете: смирно, тихо; у меня, бывало, муха летит, так и муху слышно³. А здесь шум, крик,

гвалт! <...>Порядку не спрашивайте — Ноев ковчег!» [1, с. 34]. Сниженное, в сравнении с библейским, понимание образа-символа Ноев ковчег⁴ позволяет герою передать обилие и разнообразие типов, населяющих «доходную» квартиру — «каждой твари по паре».

Внешний облик традиционного «маленького» персонажа, живущего среди людей «особняком» и «втихомолочку» [1, с. 34], усиливает и аккумулятирует впечатление от его малости. Подобно Акакию Акакиевичу, который «не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжеватого-мучного цвета» [2, с. 124], Макар Девушкин тоже в малой степени обращен к изыскам одежды, но стремится соблюсти «декорум»: «Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить как-то стыдно; здесь всё народ достаточный, так и стыдно. Ради чужих и пьешь его, Варенька, для вида, для тона; а по мне всё равно, я не прихотлив» [1, с. 34]. Ради чужих, для вида и для тона Девушкин и за платьем следит: «Ведь для людей и в шинели ходишь, да сапоги, пожалуй, для них же носишь...» ([1, с. 119]; здесь и далее выд. сделаны мною. — О. Б.).

В личностном плане «маленькие герои» столь же малы и мелки, как и в социальном. Лишенные силы характера, тяготы жизни персонажи преодолевают преимущественно тем, что признают философию «малого» существования — «поживешь и попривыкнешь» [1, с. 43]. Предел мечтаний маленьких героев составляет «теплое местечко» по службе, по истечении нескольких лет — ничтожная прибавка к жалованию, как награда — очередной малый чин и, может быть, «крестик». Но нередко и «маленькая» мечта «маленького» человека оказывается неосуществимой — благорасположенность к герою столоначальника, готового за усердие и рачительность продвинуть чиновника по служебной лестнице, предстает тщетной, ибо любое творческое начало чуждо «маленькому герою», проявить «талант» даже в переписывании бумаг персонаж не способен. Вспомним об Акакии Акакиевиче: «Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; <...>дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: “Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь”. С тех пор оставили его навсегда переписывать...» [2, с. 124]. Характерно и «зеркальное» признание Девушкина: «Сознаюсь, маточка, не мастер описывать, и знаю, без чужого иного указания и пересмеивания, что если захочу что-нибудь написать позатейливее, так вздору нагорожу» [1, с. 40].

Между тем сам процесс писания для героев — форма беззвучного диалога с миром, средство общения без открытого речевого контакта. Как Акакий Акакиевич, «приходя домой, <...> вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом», а «если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу...» [2, с. 125], так и Макар Девушкин пишет и переписывает не только в должности, но и по возвращении со службы — «после должности <...> свечку достал, приготовил бумаги, чиню перо...» [1, с. 31], «для удовольствия» [1, с. 83].

Подобная — письменная — форма общения с окружающим миром привычна и органична персонажам — оттого жанр эпистолярного романа, который избрал Достоевский для истории о бедных людях, оказывается самым объективно допустимым и релевантным. Вряд ли маленький герой, подобно Башмачкину изъясняющийся только частицами, смог бы внятно и последовательно изложить собственные мысли и выразить чувства в процессе живого общения с Варенькой. Обмен письмами обеспечивает герою Достоевского привычность среды, защищенность от неожиданностей, гарантирует относительное спокойствие и знакомый психологический настрой.

Говоря словами Гоголя, «так протекала мирная жизнь человека <...> и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге...» [2, с. 126]. Для героя Гоголя этим бедствием оказалась необходимость приобретения шинели, для героя Достоевского — любящая забота о бедной дальней родственнице Варваре Доброселовой. На первый взгляд, «беды» маленьких героев разные, эмоционально несоизмеримые. Однако это не вполне так. Подобно тому, как у Гоголя Акакий Акакиевич грезит об обретении новой шинели как о «приятной подруге жизни», в ходе повествования выстраивая подтекстовый «свадебный сюжет» (см. об этом [4]), так и Макар Девушкин, благодетель и покровитель Вареньки, любит ее по-родственному, по-отечески («...я занимаю у вас место отца родного, по горькому сиротству вашему» [1, с. 39]), но (может быть...может показаться...) даже более. В обоих случаях «сердечные дела» возводят преграду на ровном и однообразном жизненном пути «маленького героя».

По аналогии можно предположить, что status quo, к которому с неизбежностью возвращены (возвращаются) «маленькие герои», как в одном случае привел к гибели персонажа, так и в другом может предопределить трагическое развертывание дальнейшей судьбы героя. Однако у Достоевского Макару Девушкину писателем оставлен шанс — надежда на то, что вышедшая замуж и уехавшая «в степь» Варенька сумеет найти возможность хотя бы изредка присылать весточку «ближайшему родственнику и покровителю» [1, с. 39], поддерживая в нем жизнь и мечту. В силу вступает второй претекст, на который ориентировался Достоевский, — «Станционный смотритель» Пушкина с его стержневым мотивом «блудного сына / блудной дочери».

Если у Пушкина в центре «станционного сюжета» стоит мужской вариант образа «маленького человека», судьба «коллежского регистратора, почтовой станции диктатора» [3, с. 75] Самсона Вырина, то у Достоевского, отработавшего эту директорию по гоголевской «Шинели», в постпушкинском нарративе ведущую роль берет на себя женский образ — Варенька Доброселова, частично наследующая мотивный абрис истории Дуни Выриной.

Связь (перекрестье) пушкинского и гоголевского сюжетов эксплицируется Достоевским в пределах уже самого первого повестийного эпизода: постгоголевский Макар посылает постпушкинской Варваре выразительный и узнаваемый читателями подарок-скрепу — «бальзаминчики» и «гераньки», горшки с цветами, словно бы перекочевавшие с подоконника выринской станции в петербургский уголок.

На интертекстему «цветы / бальзаминчики» [1, с. 36] уже неоднократно обращала внимание критика [5], приводя знакомую пушкинскую цитату: «Всё это донныне сохранилось в моей памяти, так же как и **горшки с бальзаминном**, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие» [3, с. 77]. Для Пушкина горшки с бальзаминном — признак покоя и благополучия, царящего в семье Выриных. Неслучайно во второй приезд на станцию повествователь Белкин отмечает: «Вошел в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов...» [3, с. 78]

Образ бальзаминчиков, транспонированный в текст Достоевского, обеспечивает пересечение-смыкание нарратива гоголевского и пушкинского: гоголевский чиновник обрел (взял на себя) роль Дуниного отца, словно бы в деталях уточняя и развивая сюжет «блудной дочери», которая оказалась в Петербурге. Размышления Вырина: «Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою...» [3, с. 83] — едва ли не в точности ложатся на сюжетную канву линии Варвары, открывая для нее возможности обоих пушкинских вариантов — трагического по Вырину и счастливого по Минскому. Действительно, с одной стороны, юная Варвара у Достоевского обесчещена, «брошена» богатым и распутным Быковым, с другой — ее обидчик спустя время женится на ней в надежде обрести собственных детей и оставить без наследства беспутного племянника. Однако в интервале между этими событиями именно присутствие Макара Девушкина поддерживает и спасает героиню: очень могло быть, что, не возьми Девушкин на себя роль «отца родного» и благодетеля, и Варенька «мела бы улицу вместе с голью кабацкою».

Достоевский словно удваивает ситуацию малости образа и личности Макара Девушкина, в нем одном компилируя черты пушкинско-выринские и гоголевско-башмачкинские. Макар предстает «удвоенным» маленьким героем, помимо рачительного исполнения службы, как Акакий Акакиевич, взявшим на себя обязанность и заботы о «приемной дочери» Вареньке, как родной отец бедный Самсон Вырин. Пушкинский коллежский регистратор и гоголевский «вечный» титулярный советник органично сливаются в образе Девушкина-чиновника и Девушкина-«отца».

Как уже было сказано выше, в личностном плане «маленькие герои», как правило, не способны на некий поступок, на какое-либо решительное деяние (оба героя-прообраза, предшественники Девушкина — и Самсон Вырин, и Акакий Акакиевич, — тихо и незаметно для других умирают). Однако герой Достоевского — жертвуя собственным благополучием (едва ли не жизнью) — совершает духовный подвиг и спасает любимую Вареньку.

Если Самсон Вырин «отступается» от Дуни и Минского, от бедной и заблудшей дочери [3, с. 83], то Девушкин — наоборот — берет на себя отеческую заботу о девушке, которая, скорее всего, его родственницей даже и не является. Фактическое родство / неродство не останавливает Макара: «Уж как бы там ни было, а я вам хоть <...> по пословице, и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник, и теперь ближайший родственник и покровитель...» [1, с. 39]

Подтверждением того, что Девушкин видит в Вареньке в первую очередь дочь, может послужить эпизод из прошлой жизни маленького чиновника. В одном из первых писем герой рассказывает Вареньке о его бывшей квартире, о хозяйке, с которой «чуть ли не двадцать лет вместе прожили» [1, с. 40]. «Тихо жили мы, Варенька; я да хозяйка моя <...> хорошая была она женщина и недорого брала за квартиру. Она, бывало, всё вязала из лоскутков разных одеяла на аршинных спицах; только этим и занималась. Огонь-то мы с нею вместе держали, так за одним столом и работали» [1, с. 39–40]. Девушкин упоминает, что «внучка уней Маша была <...> лет тринадцати теперь будет девочка»: «... дитя-то, шалунья-то наша, призадумается; подопрет ручонкой розовую щечку, ротик свой раскроет хорошенький и, чуть страшная сказка, так жметя, жметя к старушке. А нам-то любо было смотреть на нее; и не увидишь, как свечка нагорит, не слышишь, как на дворе подчас и вьюга злится и метель метет. Хорошо было нам жить, Варенька...» [1, с. 40]

Обращают на себя внимание определения-эпитеты, которые использует Достоевский в цитируемом фрагменте. С одной стороны, это «розовая щечка» девочки, которая актуализирует прямую корреляцию с образом Вареньки, мысли о которой у Девушкина «всё в розовом цвете» [1, с. 33]. С другой стороны, описание жизни, протекающей вокруг общего стола, пронизано коннотациями взаимной приязни, почти родства — неслучайно Достоевский использует местоимения во множественном числе: «нам-то любо», «нам жилось», и в подобном именовании эксплицированы мотивы общности, единства, семейственности. И, как можно понять, взятая на себя забота о Вареньке замещает в Макаре его прежнее ощущение тихой и счастливой «семейной» жизни. Неслучайно признание героя: «Ну, точно домком и семейством меня благословил Господь!» [1, с. 81]

Девушкин переносит на Вареньку нерастраченные родительские чувства («живу вдвойне» [1, с. 81]), и для блага «маточки» (уменьшительное от «матушка») жертвует всем, что у него есть, и даже тем, чего у него нет (например, берет конторское жалование вперед, готов на крупные долги под любой процент, «приличный» или «отягчительный»). Ради Вареньки герой меняет квартиру. Ради нее продает («с рук сбыл» [1, с. 79]) парадный мундир. Во время болезни героини все время проводит у ее постели [1, с. 48]. В период выздоровления вывозит ее на острова («Какой вы, право, добрый, Макар Алексеевич! <...> Кусточек ли, аллея, полоса воды — уж вы тут; так и стоите передо мной, охорашиваясь, и всё в глаза мне заглядываете, точно вы мне свои владения показывали...» [1, с. 76]). Примечательно сравнение, которое использует героиня: «точно свои владения показывали...» Действительно, самоотверженность и жертвенность, с которыми Макар Девушкин пытается обеспечить достойное существование Вареньки, сродни рыцарским, а сам герой вырастает у Достоевского до представлений о «большом» (а не о «маленьком») герое.

Отцовская забота о чести молодой девушки толкает Макара на «бунтарский» (тоже рыцарский) поступок — появление перед безымянным офицером, сделавшим Вареньке непристойное предложение. Как неоднократно подчеркивала критика, в этом эпизоде вновь прочитывается переключка со «Станционным смотрителем»: визит Девушкина коррелирует с визитом

Вырина к Минскому (будь то Демутов трактир или дом в Литейной части). Но исследователи, как правило, обращают внимание только на сопоставимую деталь — обоих героев вытолкали из квартиры и столкнули с лестницы [5, с. 14]. Однако более важным представляется иное обстоятельство — если для Дуняши Выриной этот визит не имел решительного действия (ее отношения с Минским были счастливыми и до визита ее бедного отца), а сам зритель после того «отступился», то «благородное негодование» Девушкина, по видимости жалкое и смешное, в реальности имело свой отзвук: о благочестии и благоразумии Вареньки заговорили окружающие (и сам офицер, и его престарелый дядя, и даже до Быкова дошли вести о скромном поведении Вареньки). В отличие от Пушкина Достоевский стремится выявить «доблестное» начало в поведении и характере «маленького героя», заставляя задуматься о «героической» искре внешне ничтожного и незаметного «маленького ч(Ч) еловека», и в отличие от Гоголя дает свершиться этому подвигу в реальном (а не фантазийно-вымышленном) мире.

Наследуя Пушкину и Гоголю, Достоевский уже в самом раннем художественном произведении предпринимает самостоятельные шаги в интерпретации образа и философии «маленького человека». По Достоевскому, «маленький герой» способен к большим поступкам и делам, достоин самоуважения и уважения окружающих. «...И я не хуже других; что только так, не блещу ничем, лоску нет, тону нет, но все-таки я человек, <...>сердцем и мыслями я человек»⁵ [1, с. 127].

Своеобразную «поддержку» образу «маленького героя» Макара Девушкина обеспечивают жизненные судьбы глав семейств Горшковых и Покровских. При этом примечательно, что многие детали и мотивы «семейных историй» «маленьких / бедных людей» найдут свое развитие в последующих текстах Достоевского — например, в «Преступлении и наказании», точнее — в «Пьяненьких».

Как известно, роман (в первоначальном определении Достоевского — «повесть») «Преступление и наказание» появился в 1866 г. По словам комментаторов, «в романе объединились два первоначально различных творческих плана» [6, V, с. 523], оба возникшие в 1865 г. (соответственно летом и осенью). В начале июня 1865 г. Достоевский «предложил издателям газеты “Санкт-Петербургские ведомости” — В. Ф. Коршу и журнала “Отечественные записки” — А. А. Краевскому роман, который обещал представить в октябре. “Роман мой, — писал Достоевский Краевскому, — называется „Пьяненькие“ и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.”...» [6, V, с. 523–524]. Однако предложение Достоевского не было принято ни Коршем, ни Краевским, и замысел романа «Пьяненькие» остался неосуществленным. Однако, как обнаруживает текст «Преступления и наказания», образы «пьяненьких» — прежде всего Семена Мармеладова — и «картины семейств», в т. ч. «воспитание детей», вошли в текст большого идеологического романа-исповеди, эксплицировали в нем свое органичное присутствие.

Если вычленишь в «Преступлении и наказании» возможный (под)сюжет «Пьяненьких», то становится ясно, что он во многом близок «Бедным людям», ибо в его эпицентре оказывается все тот же узнаваемый тип «маленького героя» и связанные с ним узлы социально-бытовых идеологем. Причем в текстах повести и романа переключки обнаруживают не только сами образы «маленьких людей» (Мармеладов / Девушкин, Горшков, Покровский, Емельян Ильич и др.), но и целый ряд узнаваемых деталей и мотивов, которые (словно бы) «переключивали» в текст «Преступления и наказания». Так, описание комнаты Горшковых, разделенной «для приличия» перегородками и ширмочками, сродни веревке с простынями, которая разделяет пространство комнат Мармеладовых (ср. [1, с. 252]). Описание девочки Горшковых, грустно и безучастно стоящей, прислонившись к гробу братика, со всей очевидностью напоминает описание детей Катерины Ивановны, увиденных глазами Раскольниковца [1, с. 253]. Константы мотивы пьянства, «отказа от должности» (Мармеладов о себе: «...места лишился...» [1, с. 244]), продажи нового вицмундира («...вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит...» [1, с. 249]), побоев жены («Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая... <...> она и вихры мои дерет...» [1, с. 242]), чахотки (Катерина Ивановна и др.), Вариных / Сониных «тридцати копеек»⁶ [1, с. 117, 123, 126], даже описание квартиры-содома («Проживаем же теперь в угле, у хозяйки Амалии Федоровны Липпехель <...> Содом-с, безобразнейший...» [1, с. 244]) или точно воспроизведенная сентенция «Бедность не порок», которую в «Бедных людях» озвучивает Варвара [1, с. 125], а в «Преступлении и наказании» — Мармеладов («Милостивый государь <...> бедность не порок, это истина. <...> Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с» [1, с. 240]).

Очевидно, что в 1845 г., в период создания повести «Бедные люди», Достоевский был еще далек от теории «разумного эгоизма», контурировавшейся в «Преступлении и наказании» два десятилетия спустя, от рассуждений Родиона Раскольниковца о «тварях дрожащих» и «право имеющих». Однако, как видно из текста, уже задолго до Н. Г. Чернышевского с его романом «Что делать?» (1863), традиционно считающегося «толчком» к созданию романа-эксперимента Достоевского, молодой писатель обнаруживает собственные, личностные размышления о сущности человека, о его роли и месте в обществе. В этом ракурсе важно отметить, что в «Бедных людях» образ Макара Девушкина выходит за пределы устоявшегося концепта «маленький человек» и вбирает в себя (как ни странно) черты будущего «право имеющего» героя, его предстоящих раздумий о различных типах людей.

Примечательно рассуждение «маленького» Макара о несправедливости, царящей в мире. С одной стороны, герой задумывается: «Отчего это так всё случается, что вот хороший-то человек в запустенье находится, а к другому кому счастье само напрашивается? <...>зачем одному еще во чреве матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой из воспитательного дома на свет божий выходит? И ведь бывает же так, что счастье-то часто Иванушке-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачок, ройся в мешках дедовских, пей, ешь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братец, вот какой! Грешно, маточка, оно грешно этак думать,

да тут поневоле как-то грех в душу лезет...» [1, с. 132] В ходе письма к Вареньке размышления героя приходят к еще более «грешной» мысли: «А отчего же это всё? А оттого, что вы сирота, оттого, что вы беззащитная, оттого, что нет у вас; друга сильного, который бы вам опору пристойную дал. А ведь что это за человек, что это за люди, которым сироту оскорбить ничем? Это какая-то дрянь, а не люди, просто дрянь; так себе, только числятся, а на деле их нет...» [1, с. 133]. По сути в этих (и подобных им) рассуждениях Макар Девушкин уже нащупывает, проговаривает, осмысливает теорию о двух типах людей, которую домыслит и дооформит Раскольников, признавая, что есть люди и есть дрянь.

С другой стороны, одновременно с «разными мыслями» о людском неравенстве в рассуждениях героя Достоевский актуализирует и «оборотную» сторону — мысль о природном подобии людей. «Ну, посмотрим, что там такое в этих домах? Там в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой какой-нибудь, которая, по нужде, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь от сна пробудился; а во сне-то ему, примерно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера он подрезал нечаянно, как будто именно такая дрянь и должна человеку сниться! <...> Это бы и ничего, и писать бы об этом не стоило, но вот какое выходит тут обстоятельство <...>: тут же, в этом же доме, этажом выше или ниже, в позлащенных палатах, и богатейшему лицу всё те же сапоги, может быть, ночью снились, то есть на другой манер сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги; ибо в смысле-то, здесь мною подразумеваемом, маточка, все мы, родная моя, выходим немного сапожники...» [1, с. 136] «Маленький герой» осознает несправедливость мироустройства и возводит утопию: «...то дурно, что нет никого подле этого богатейшего лица, нет человека, который бы шепнул ему на ухо, что “полно, дескать, о таком думать, о себе одном думать, для себя одного жить, <...> оглянись кругом, не увидишь ли для забот своих предмета более благородного, чем свои сапоги!” <...> Это, может быть, слишком вольная мысль...» [1, с. 136] В сознании «маленького героя» Достоевский допускает роение «вольных мыслей», причем мыслей онтологически значимых, фундаментальных.

Примечательно, что раскольниковские мотивы, образы, детали уже (почти) просматриваются в повести «Бедные люди», свидетельствуя о константности и глубинности раздумий писателя о людях и дряни, о преступлении и наказании, о мере ответственности и человечности в отношениях между людьми.

В вышеприведенной цитате обращает на себя внимание мотив сапогов. Если у предшественника Достоевского, Гоголя, предмет мечтательного вожделения «маленького чиновника» Башмачкина составляла шинель, то Макар Девушкин более другого гардероба печется о сапогах. Однажды помывшись о себе как о «сочинителе литературы и пиите» [1, с. 87], когда «вышла бы в свет книжка под титулом — Стихотворения Макара Девушкина» и он обрел бы известность, герой тут же сокрушается: «Ну, чтобы я тогда, например, с моими сапогами стал делать?» [1, с. 87] Не шинель, не вицмундир, не жилетка беспокоят героя — но сапоги. Причем, по словам героя, сапоги он носит «для людей» — «для поддержки чести и доброго имени» [1, с. 119]. Сапоги — не предмет одежды, не обувь, но маркер самоутверждения и самоуважения, для Макара Девушкина — знак статуса чиновного и человеческого.

Известно, что в середине XIX в. в образованном революционно-демократическом обществе бытовал афоризм — «Сапоги выше Шекспира». Например, «Записки современника» (1881) Н. К. Михайловского: «Так, по-вашему, сапоги выше Шекспира?!» [7, с. 530] Специалисты, занимавшиеся историей возникновения этого «крылатого выражения», связывают рождение афоризма с именем Достоевского и с его (анонимной) статьей «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (1864).

В сатирическом памфлете, героями которого стали Щедродаров (Щедрин), Правдолюбов (Добролюбов), Скрибов (Писарев), Кроликов (Зайцев) и др., журнал «Своевременный» (читай «Современник») дает Щедродарову, «молодому перу», приглашенному в состав редакции, наставление («Пункт четвертый»): «Отселе вы должны себе взять за правило, что сапоги, во всяком случае, лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а следовательно, Пушкин — роскошь и вздор. Поняли? <...> Вздор и роскошь даже сам Шекспир, потому что у этого даже ведьмы являются...» [8, с. 345]

На основании приведенной цитаты появление «крылатого выражения» относится исследователями к 1864 г. Однако уже в «Бедных людях», т. е. еще в 1845 г., Макар Девушкин, размышляя о важности для него сапог, впервые высказывает эту нигилистическую сентенцию. «А ну ее, книжку, маточка! Что она, книжка? Она небылица в лицах! <...> И что там, если они вас заговорят Шекспиром каким-нибудь, что, дескать, видишь ли, в литературе Шекспир есть, — так и Шекспир вздор, всё это сущий вздор, и всё для одного пасквиля сделано!» [1, с. 109–110] «Маленькому герою» важнее сапоги. «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мне за это шинель кто-нибудь из читателей сделает, что ли? Сапоги, что ли, новые купит?» [1, с. 99–100] Пока еще не оформившаяся в сложившийся афоризм — «Сапоги выше Шекспира», — эта сентенция уже вычитывается в тексте «Бедных людей», становясь своеобразной автоцитатой для (последующего) Достоевского и самым ранним претекстом для выразительной максимы демократов-нигилистов. Иными словами, самая ранняя повесть Достоевского уже содержит в «зачаточной» форме важные идеологемы будущих произведений писателя, намечает штрихи к ментальному портрету героя-бунтаря Раскольникова.

Более того, портретные черты будущего Родиона Раскольникова угадываются в отдельных персонажах «Бедных людей», и субъектом проекции прежде всего оказывается образ студента Покровского. Это «был бедный, очень бедный молодой человек; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его так, по привычке только, звали <...> студентом» [1, с. 55]. Жил герой в маленькой комнатке, «весьма бедно убранной» [1, с. 61]. По виду он был «такой странный <...> раздражительного характера, беспрестанно сердился, за каждую малость из себя выходил» [1, с. 55]. Во всей комнате только «книги да бумаги» [1, с. 61].

Из «Преступления и наказания» памятно сравнение, которое Достоевский использует для описания комнаты Раскольникова, — она похожа на шкаф или на гроб [1, с. 229]. Заметим, что сходные сравнения появляются уже в «Бедных людях», другое дело, что в повести этими эпитетами маркируется не комнатка Покровского, но «угол» Девушкина: дважды его отгороженная комнатка

названа «конурой» [1, с. 98, 108]. И хотя к комнатке Петра Покровского этот эпитет не применен, но весьма близок ему другой пассаж — «хриплый голос его <Покровского> глухо отдавался в тесной его комнате, словно в гробу» [1, с. 73]. Сопоставление «комната-гроб» уже почти выписано и оформлено, по сути конституировано.

В качестве важной детали в процессе портретирования Раскольникова уже в самом начале «Преступления и наказания» выделена выразительная и броская деталь: шляпа героя. «”Эй ты, немецкий шляпник!” — и заорал <извозчик>во всё горло, указывая на него рукой, — молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его...» [1, с. 231] Обращает на себя внимание тот факт, что прообраз этой «циммермановской шляпы» появляется уже в «Бедных людях»: у отца студента Покровского была подобная «шляпа, которая вечно у него была измятая, дырявая, с оторванными полями» [1, с. 59]. Желтоватые пятна на поношенной шинели бывшего чиновника словно бы дополняют колористический раскрас шляпы-двойника.

Раскольниковские = «нигилистические» корни героя Покровского проступают (в т. ч.) и в его близости к образу тургеневского Базарова, прежде всего посредством портрета его отца. Как старики Базаровы боготворили своего сына, не могли надыхаться на него, боялись хоть чем-то потревожить его (и в делах, и на покое), так и «бедный старик <Покровский> не мог надивиться и нарадоваться на своего Петеньку»: «Когда он приходил к нему в гости, то почти всегда имел какой-то озабоченный, робкий вид, вероятно, от неизвестности <и подолгу> бывало, расспрашивал — что, каков Петенька? здоров ли он? в каком именно расположении духа и не занимается ли чем-нибудь важным?» [1, с. 59] В свою очередь, подобно Базарову, «молодой Покровский терпеть не мог отцовских посещений» [1, с. 59]. По словам Вареньки, рассказывающей эту историю, «из всех его <Покровского-младшего>недостатков, бесспорно, первым и важнейшим было неуважение к отцу» [1, с. 59]. И хотя, кажется, ни Базаров, ни Раскольников впрямую не наделяются писателем подобным «недостатком», однако таковая черта явно интерактивна — близка и тургеневскому, и Достоевскому героям — и могла проявиться в них.

В характере Раскольникова Достоевским выделены и подчеркнуты такие черты, как раздражительность («с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию» [1, с. 232]) и нетерпение. Показателен разговор Родиона с Настасьей, прислугой в доме Прасковьи Павловны:

- Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?
- Я делаю... — нехотя и сурово проговорил Раскольников.
- Что делаешь?
- Работу...
- Каку работу?
- Думаю, — серьезно отвечал он помолчав [1, с. 257].

Настасью веселит ответ жильца, и она со смехом продолжает:

- Денег-то много, что ль, надумал? — смогла она наконец выговорить.
- Без сапог нельзя детей учить. Да и наплевать. <...> За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? — продолжал он с неохотой, как бы отвечая собственным мыслям.
- А тебе бы сразу весь капитал?
- Он странно посмотрел на нее.
- Да, весь капитал, — твердо отвечал он помолчав [1, с. 258].

Примечательна уже знакомая фраза о сапогах, звучавшая в речи Девушкина, но еще более важна переключка с мыслями и поведением Покровского. О последнем в «Бедных людях» говорится: «Ему выходило куда-то место в учителя; но к этому ремеслу он имел отвращение. Служить где-нибудь в казенном месте он не мог за нездоровьем. К тому же долго бы нужно было ждать первого оклада жалованья. Короче, Покровский видел везде только одни неудачи; характер его портился...» [1, с. 72–73] Подобно Раскольникову, бедный герой-студент не обладает терпением, но желает получить «всё сразу». Можно вообразить, что, если бы персонаж остался жив («Здоровье его расстраивалось; он <заболел чахоткой> и умер в глубокую осень» [1, с. 73]), то и он, подобно Раскольникову, мог бы взять в руки топор. К тому же хотя в повести еще нет самой старухи-процентщицы, однако «протопит» Алены Ивановны уже узнаваем.

Проточерты старухи-процентщицы Алены Ивановны угадываются в портрете хозяйки квартиры Макара Девушкина: «Хозяйка наша, — очень маленькая и нечистая старушонка, — целый день в туфлях да в шлафроке ходит и целый день всё кричит на Терезу» [1, с. 34]. Рядом с ней — «услужница» Тереза, по словам Девушкина, — «женщина добрая, кроткая, бессловесная» [1, с. 33]. Но хозяйка квартиры — «просто безжалостная», она «затирает ее <Терезу> в работу, словно ветошку какую-нибудь» [1, с. 33]. Даже из этих отрывочных цитат ясно, что пара «хозяйка — Тереза» явно предвосхищает пару «Алена — Лизавета». И жребий бесчеловечного «эксперимента» мог пасть и на «прегадку» старуху-хозяйку, будущую «вошь».

В «Преступлении и наказании» запоминающе организована сцена «пробы», которую предпринимает Раскольников, придя к старухе-процентщице словно бы для «репетиции» предстоящего убийства. Родион осматривает комнату старухи: «Небольшая комната <...> с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем...» Внимание героя привлекает деталь — солнечный свет: «“И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..” — как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова...» [1, с. 234]. Герой словно боится солнечного света, будто намерен ретироваться, скрыться, убежать. Подобное чувство (сомнение) переживает в «Бедных людях» и Макар Девушкин, пришедший к ростовщику: «Комната ничего, на стенах картинки висят, всё генералов каких-то портреты, диван стоит, стол круглый, резеда, бальзаминчики, — думаю-думаю, не убраться ли, полно, мне подобру-поздорову, уйти или нет? и ведь, ей-ей, маточка, хотел убежать! Я лучше, думаю, завтра приду; и погода лучше будет, и я-то пережду...» [1,

с. 121] Для обоих героев поведенческий импульс унифицирован — основанием к сомнению становится (едва ли не в первую очередь) «погода».

Подобного рода переключек в «Бедных людях» и «Преступлении и наказании» множество (в т. ч., например, мотив сватовства и женитьбы Быкова и Вареньки в повести, Петра Петровича Лужина и Дуняши — в романе; в обоих случаях без любви, с «жертвованием»⁷⁾), но в «Бедных людях» детали и мотивы-двойники рассредоточены между различными персонажами, пока еще не выстроившись в некую идейно-смысловую иерархию, не будучи дифференцированными и привязанными к тому или иному определенному типу-корреляту — «маленькому» или «великому», «тварям дрожащим» или «правом имеющим». В центральном образе «Бедных людей» — Макаре Девушкине — оказались контаминированы черты не только «маленького» забитого персонажа, героя жертвенного (впоследствии — преимущественно стезя Сони Мармеладовой), но и персонажа думающего, размышляющего, способного к деянию (спасение Вареньки) и готового к «бунту» (визит к офицеру), т. е. таких черт, которые позднее «вырастут» в самостоятельный тип раскольниковского плана, найдут отражение в фактах Родионовой биографии (рождение теории, отношение к замужеству Дуни, эпизод на Конногвардейском бульваре, отношения с семьей Мармеладовых и др.). В пределах художественного пространства романа «Преступление и наказание» повесть «Бедные люди» оказывается важным и сущностным (авто)претекстом, причем не только в отношении к образам «пьяненьких», «униженных и оскорбленных», но и образов наполеонического плана, будущих «разумных эгоистов» и их двойников.

Итак, как показывают наблюдения, повесть «Бедные люди» можно рассматривать как основу (едва и не всего) литературного метатекста Достоевского, ибо именно в ней оказались намечены ведущие, пронизывающие все последующее творчество писателя идейные и мотивные векторы, обеспечившие своеобразие и самобытность, мощный этико-эстетический и ценностно-бытийный потенциал его художественных произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жанровое определение, данное «Бедным людям» автором, — роман, однако, с научной точки зрения, художественно-композиционные особенности «романа» более тяготеют к повестийному типу наррации.

2. Совпадают даже детали. Ср. у Гоголя: «Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того...» [2, с. 126]. Или: «Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием...» [2, с. 126].

3. Примечательно сравнение «маленького человека» с мухой — типичный прием в прозе Гоголя («Шинель», «Мертвые души»). «Шинель»: «Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха» [2, с. 122].

4. Ноев ковчег у Девушкина выступает почти синонимом библейского Содома, образ которого мелькнет в тексте повести чуть позже: «Теперь уж я все-таки пообвык, а вот удивляюсь, как в таком содоме семейные люди уживаются...» [1, с. 44]

5. Любопытно, что приведенный фрагмент из письма Девушкина содержит в себе рецепции пушкинской лирики: письма Татьяны Лариной к Онегину и «Я помню чудное мгновенье...» Обращают на себя внимание обороты «как вы мне явились...» (// «Передо мной явилась ты...») и тут же рядом — «не блещу...» (// «Ничем мы не блещим, хоть вам и рады простодушно...»). Примечательно, что ассоциативными претекстами становятся письмо героини «Евгения Онегина» и лирическое послание «К***».

6. Некоторые исследователи видят в «тридцати копейках серебром» аллюзию на тридцать сребреников Иуды. Так, по мнению Н. А. Кладовой, «Макар тоже “продает” Вареньку, не сумев помочь ей тогда, когда действительно нужно было...» [9, с. 100]. Однако подобное суждение, допустимое в «Преступлении и наказании», категорически не приложимо к «Бедным людям».

7. Заметим, имя Петр Петрович («камень каменный») еще до Лужина был опробован Достоевским в «Бедных людях» — в образе ростовщика-сослуживца Макара Девушкина, не давшего последнему денег в долг без залога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Избранные сочинения: в 2 т. — М.: Рипол-Классик, 1997. — Т. 1. Бедные люди. Белые ночи. Преступление и наказание. — 832 с.

2. Гоголь Н. В. Шинель // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Правда, 1984. — Т. 3: Повести. — С. 121–151.

3. Пушкин А. С. Станционный смотритель // Пушкин А. С. Соч.: в 3 т. — М.: Художественная литература, 1986. — Т. 3: Проза. — С. 75–84.

4. Богданова О. В. Свадебный мотив в повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Современные проблемы гуманитарных наук в мире: сб. междунар. научно-практич. конф. Казань, 11 июля 2016 г. — Казань, 2016. — Вып. 3. — С. 23–25.

5. Берсенева В. А. Рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: образы и мотивы // Вестник Томского гос. ун-та. — 2018. — № 431. — С. 12–18.

6. Фридендер Г. М. Комментарии // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. — Л.: Наука, ЛО, 1988–1996. — Т. 1: Повести и рассказы. 1846–1847. — Л., 1988. — С. 430–441; Т. 5: Преступление и наказание. — Л.: Наука, ЛО, 1989. — С. 523–573.

7. Михайловский Н. К. Записки современника // Михайловский Н. К. Соч. — СПб., 1897. — Т. IV. — С. 530.

8. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) / Г. М. Фридендер (гл. ред.) и др. — Л.: Наука (ЛО), 1988–1996. — Т. 11: Публицистика 1860-х годов. — Л., 1993. — С. 339–360.

9. Кладова Н. А. Художественная идея романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Вестник СВФУ. — 2017. — № 4 (60). — С. 93–103.